

СТРУКТУРНЫЙ БАЗИС СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА¹

УДК 316.34+323.383

Оге Б. Сёренсен²

Факультет социологии
Гарвардского университета

В статье³ рассматривается концепт ренты и его применение в исследовании общественного неравенства. Ренты представляют собой ресурсы, обеспечивающие преимущества для лиц, занимающих определенные социальные позиции, и не зависящие от индивидуальных качеств данных лиц. Неравенство, создаваемое рентами, обуславливает мотивацию к получению и сохранению преимуществ, которые, как представляется, формируют «объективный» интерес к определенным позициям в социальной структуре. Таким образом, рента является основой для формирования классов, понимаемых в широком смысле как конфликтующие группы. Помимо

¹ Перевод статьи публикуется с разрешения University of Chicago Press. Оригинал текста см.: Sørensen Aage B. The Structural Basis of Social Inequality // The American Journal of Sociology. 1996, March. Vol. 101, № 5. P. 1333-1365. Пер. с англ. Л.Г. Фишмана и Е.А. Вахрушевой.

² Оге Б. Сёренсен (1941, Силькеборг, Дания – 2001, Бостон, США) – известный датский социолог, внесший значительный вклад в исследование взаимосвязи между социальным и экономическим неравенством и неравным доступом к социальным ресурсам.

³ Эта статья посвящена памяти моего учителя Джеймса С. Коулмена. Оригинальная версия была представлена на специальной секции «Социальная структура и социальная стратификация» на ежегодной встрече Американской социологической ассоциации 20-24 августа 1992 г. Первый набросок был завершен, когда я являлся приглашенным профессором Института социологии Университета Осло при поддержке Норвежского национального научного фонда. Представленный вариант был закончен, когда я был приглашенным исследователем Института образования и развития человеческого потенциала им. Макса Планка в Берлине. Поддержку со стороны этих учреждений трудно переоценить. Кристина Гомес и Сюзанна Вашингтон оказали ценную помощь в подготовке этой статьи. Ранние версии статьи были представлены на семинарах в Стокгольмском университете 21 сентября 1992 г. и в Университете Дьюка 3 декабря 1992 г. Многие из участников этих семинаров высказали ценные замечания и указали на недостатки. Джеймс С. Коулмен, Рэндал Коллинз, Джон Мейер, Тронд Петерсен и Аннеметт Сёренсен предоставили мне обширные комментарии и критический анализ. Также я благодарен за комментарии и предложения со стороны рецензентов из Ассоциации за более справедливое общество (AJS). Адрес для корреспонденции: Оге Б. Сёренсен, факультет социологии Гарвардского университета, Вильям Джеймс Холл, Кембридж, Массачусетс 02138.

ренты, обусловленной позицией, занимаемой в социальной структуре, в статье также анализируется рента, связанная с природными способностями.

Ключевые слова: структурная теория неравенства, рента, погоня за рентой, ренты от природных способностей.

Введение

В исследованиях социальной стратификации рассматриваются процессы, которые приводят к неравенству в обществе, а также последствия неравенства для индивидуального поведения и социальных перемен, перемещение индивидов и семей в социальной структуре, или социальная мобильность. Процессы стратификации находятся в центре внимания социологии. Действительно, было установлено, что исследование социальной стратификации является столь же значимым для социологии, как и изучение систем родства для антропологии [Runciman 1974], обеспечивая ключевыми понятиями и независимыми переменными теорию и практические разработки на индивидуальном и социетальном уровнях.

Успехи социологических исследований стратификации были впечатляющими, и мы накопили немало знаний об индивидуальных социоэкономических достижениях и перемещениях в социальной структуре. Методологически эта область исследований стала ареной весьма важных недавних достижений в социологии, особенно это касается развития статистических техник количественного анализа данных (каузальные модели, регрессивный анализ и логарифмический линейный анализ). В противоположность этим методологическим и операциональным достижениям собственно теории ранее уделялось значительно меньше внимания.

Многие применяемые в социологическом познании стратификационных процессов и структур идеи были позаимствованы у экономистов, изучавших неравенство доходов и заработков, или из политологических исследований неравенства в сфере власти. Собственно социологический подход к проблеме неравенства, вероятно, заключается в идее, что социальная структура определенным образом связана с возникновением неравенства. Несмотря на то что эта идея разделяется большинством исследователей социальной стратификации, она не получила должного внимания и концептуального развития.

Идея о связи между социальным неравенством и социальной структурой может быть понята двояко. Согласно одной из концепций о влиянии структуры, часто используемой в исследованиях рынка рабочей силы, «структурные эффекты» являются отражением того, как люди, в зависимости от своего положения в социальной структуре, изменяют свои усилия и навыки, становясь, таким образом, более продуктивными. Эти эффекты, к примеру, могут быть обусловлены структурами стимулирования и мерами, направленными на повышение квалификации, внедренными на внутренних рынках труда.

Однако есть и другая концепция того, как социальная структура создает неравенство. Идея заключается в том, что именно специфика позиции

в социальной структуре оказывает прямое влияние на величину дохода и других вознаграждений, которые получает занимающий эту позицию вне зависимости от своих личных качеств. Таким образом, выгоды и невыгоды, относящиеся к положению в социальной структуре, имеют место независимо от того, как данное положение влияет на экономическую продуктивность индивида. Подобного рода выгоды и невыгоды – это то, о чем мы обычно думаем, когда говорим о преимуществах или недостатках классового положения. С точки зрения марксизма, например, капиталисты получают преимущества просто потому, что занимают позиции капиталистов; это позволяет им эксплуатировать и обделять рабочих. Данные выгоды и невыгоды могут быть названы чистыми или непосредственными структурными эффектами неравенства. Этим эффектам в статье уделено главное внимание.

Идея чистого структурного эффекта неравенства кажется важной, поскольку, если она верна, это означает, что, даже если мы знаем все об индивидуальном поведении и действиях, мы не можем должным образом объяснить наблюдаемое неравенство, не обладая знаниями о специфике занимаемого человеком положения. Эта идея также кажется подходящей для установления связи между процессами продуцирования неравенства и трансформацией социальной структуры. Когда структура оказывает непосредственное влияние на неравенство (то есть когда выгоды и невыгоды связаны с позициями в социальной структуре), конфликты по поводу распределения этих выгод будут нацелены на изменение социальной структуры. Таким образом, структурный эффект неравенства может быть внутренним источником изменений в социальной структуре.

Марксистская теория классов – главный пример структурной теории неравенства, объясняющей, как структура обуславливает неравенство и социальные изменения. Неравенство создается социальными отношениями, и выгоды и невыгоды связаны с позициями в социальной структуре. Личные характеристики капиталистов и рабочих не имеют большого значения в процессе производства неравенства. Неравенство порождает антагонистические интересы, так сказать, привязанные к позициям, которые суть «пустые места». Антагонистические интересы ведут к конфликтам, которые могут менять социальную структуру.

Марксистская классовая теория – модель структурной теории неравенства, но эта теория не вполне отвечает критериям самоочевидности и логической удовлетворительности. Ее главная проблема, я полагаю, связана с ключевой концепцией эксплуатации, которая вытекает из сомнительной экономической теории стоимости – трудовой теории стоимости.

Недостатки марксистской теории неравенства не подразумевают, что структурная теория неравенства должна быть отвергнута. Трудовая теория стоимости несущественна в контексте идеи о выгодах и невыгодах, связанных с позициями в социальной структуре. Существенна идея, согласно которой преимущества, обеспеченные доступом к определенной позиции в социальной структуре, безотносительны к поведению занимающего эту позицию. Другими словами, речь идет именно о не заработанных индивидом

преимущества. Такие преимущества мы обычно называем прибылью. И действительно, марксистская теория – это теория о погоне за прибылью.

Прибыль – не точное понятие. То, что мы обычно называем прибылью, является приростом дохода за вычетом затрат, связанных с реализацией или производством того или иного блага; сюда также часто включается компонент платы за капитал, то есть проценты, полученные от прежних сбережений, а также компонент платы за личный вклад в прибыль, полученную благодаря управленческой и предпринимательской активности. Эти два компонента отражают прошлое и настоящее поведение индивида через сбережения и готовность рисковать, а также его текущие усилия и способности как предпринимателя. Эта плата за капитал и труд может расцениваться как необходимая и заработанная. Вдобавок прибыль может включать плату, превышающую необходимую для простого воспроизводства капитала и рабочей силы. Этот-то компонент и интересен в данном случае. Хороший пример – чистая прибыль, обеспечиваемая обладанием монополией на производство чего-либо или получением лицензии, дающей исключительное право на торговлю чем-либо. Эти избыточные прибыли не связаны с обеспечением доступности благ, они не заработаны, а их выплата может повлечь уменьшение доходов всех остальных, поэтому благосостояние этих последних только возрастет, если такие сверхприбыли будут уничтожены.

В экономической теории этот компонент чистой прибыли называется экономической рентой. А «рента» – более точное понятие, нежели «прибыль». Я утверждаю, что идея экономической ренты (как чистой прибыли) очень хорошо применима для анализа того, как социальная структура создает неравенство и конфликты интересов в обществе¹. Я надеюсь показать здесь, что когда неравенство является результатом обладания производящими ренту экономическими ресурсами, оно удовлетворяет главным требованиям структурной теории неравенства – неравенства, создаваемые рентами, возникают независимо от навыков и способностей людей, занимающих определенные позиции в социальной структуре.

Первый раздел посвящен общему понятию ренты. Второй – основным социальным структурам и процессам, связанным с производством и поиском ренты, в то время как третий – ренте от природных способностей. В итоге я утверждаю, что связь ренты с социальными конфликтами за распределение ренты зависит от продолжительности преимуществ, создаваемых средствами или ресурсами, служащими источником рент.

Понятие ренты

Понятие ренты определялось несколькими различными способами, часто подразумевавшими весьма отличающиеся подходы². Общей для всех

¹ Другой причиной использования термина «рента» является то, что понятие «прибыль», как оно обычно используется, не включает в себя всех интересующих нас здесь преимуществ. Преимущества, получаемые, например, от собственности на землю, обычно не могут быть сведены к прибылям.

² Обзор понятий и теорий см.: [Буе 1940].

определений является идея, согласно которой рента – плата собственнику за использование принадлежащего ему экономического ресурса¹. Собственники производительных ресурсов (на марксистском языке – средств производства) должны получать компенсацию за использование того, чем обладают, в противном случае они не позволят использовать ресурс либо предоставят пользоваться им кому-то другому. Таким образом, собственники рабочей силы имеют право на компенсацию своих усилий, собственники капитала должны получить компенсацию за свою готовность экономить в ущерб потреблению, а землевладельцы – за позволение кому-либо обрабатывать свою землю. В рыночной экономике эта компенсация происходит из дохода, получаемого от продажи продукта, произведенного при использовании данного ресурса.

Как и в других теоретических исследованиях на данную тему, я использую понятие «рента», чтобы подчеркнуть специфический компонент платы за экономический ресурс. Этот компонент есть «прибавка», или чистая прибыль, получаемая вследствие владения ресурсом. Для иллюстрации этой идеи было бы полезно рассмотреть землю как классический пример приносящего ренту ресурса.

Предположим, землевладелец предоставляет участок арендатору, который затем выращивает на нем зерно. Землевладелец в качестве платы получает часть дохода, который имеет арендатор с продажи произведенного зерна. Часть этой платы может быть выплатой процентов на капитал, инвестированный в землю, другая часть – заработной платой за тот или иной труд собственника, затраченный им на управление землей. Вдобавок сюда может быть включена некая сумма, которая является чистой прибылью лендлорда просто за использование его земли. Данная чистая прибыль и есть экономическая рента, как было указано выше. Это тот компонент платы за использование ресурса, который не является компенсацией собственнику за некие потраченные усилия или прошлую бережливость. Это как раз та самая прибыль, которая вытекает из самого факта собственности (то есть способности контролировать доступ к ресурсу). Землевладелец не должен предпринимать никаких усилий или ограничивать потребление, чтобы получить эту часть платы. Он получает ее за способность подтверждать свое право собственности.

В конкурентной экономике агенты обычно обнаруживают, что сверхприбыль получают обладатели некоего особенного ресурса, и поэтому все больше стремятся использовать этот ресурс или увеличить его предложение. Рост предложения сокращает сверхприбыль, и в итоге она исчезает. Устойчивая рента встречается тогда, когда предложение ресурса не может быть увеличено в силу естественных или обусловленных социальной организацией причин. В результате современная экономическая теория часто определяет ренту как плату за ресурс, предложение которого ограничено [Alchian 1987]. Согласно другому подходу ренты, будучи платами за использование ограниченных ресурсов, превышают доходы, которые получаются

¹ Личность собственника и пользователя могут совпадать. Как показано ниже, нередко необходимо разделять две эти роли.

при любом их альтернативном использовании [Buchanan 1980]. Обычно мы заинтересованы в такой плате сверх необходимого, несмотря на то что в ней может быть заложена возможность возникновения отрицательных рент.

В классической экономической теории понятие ренты сужается до дохода, получаемого вследствие собственности на землю. Рента – это «та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы»¹ [Ricardo 1951: 67]. Ассоциирование ренты с землей и сельскохозяйственной продукцией может объяснить, почему в современной экономике так мало говорится о рентах². Ассоциация с землей является, возможно, также причиной пренебрежения этим концептом со стороны теоретиков стратификации. Иначе сложно понять, почему социологи, чье внимание сосредоточено на структуре и структурных эффектах, игнорируют это понятие. Понятие ренты может стать ключевым для структурной теории неравенства, поскольку рента получается независимо от усилий обладателя дающего ренту ресурса. Теория неравенства, основанная на понятии ренты, удовлетворяет требованиям структурной теории неравенства – связь ренты с позициями в социальной структуре обеспечивает выгоды, получаемые независимо от усилий личностей, занимающих эти позиции. Умный и трудолюбивый собственник получает ту же плату, что и глупый и ленивый обладатель дающего ренту ресурса (к примеру, земельного участка). Эта ключевая роль понятия ренты представляла бы меньший интерес, если бы рента ассоциировалась только с аграрным обществом.

Понятие ренты вовсе не сводится лишь к плате за использование земли. Рента также может быть обнаружена в платах: 1) за использование капитала и рабочей силы; 2) использование уникальных комбинаций капитала и труда, возникающих, к примеру, при применении определенных технологий; 3) за необычные и редкие индивидуальные способности, которые не могут быть развиты другими путем упражнений (музыкальные, атлетические способности, художественное творчество и т.д.). Рента, таким образом, может быть получена из любого производственного актива. Ключевая характеристика ренты заключается в том, что компонент платы, получаемой за использование этого актива, достается независимо от усилий и прошлых действий индивида, который имеет право на данный доход³. Тем не менее

¹ Здесь и далее перевод дан по след. изд.: Рикардо Д. Начала политической экономики и налогового обложения // Антология экономической классики : В 2 т. М. : МП «ЭКОНОВ», 1993. Т. 1. С. 432 (*Примеч. пер.*).

² Речь не идет о полном пренебрежении. Относительно недавно появилась довольно обширная литература о погоне за рентой или о погоне за дающим ренту ресурсом, напр.: [Buchanan, Tollison, Tullock 1980; Rowley, Tollison, Tullock 1988; Tullock 1989].

³ Конечно, можно представить дело таким образом, что право на собственность является следствием тех усилий и жертв, который предпринял некий предок землевладельца (лендлорда), и тогда доходы от собственности – всего лишь плата за эти прошлые усилия и жертвы. Это ставит вопрос существования ренты в зависимость от того что принимается за единицу анализа – семья или индивидуальный собственник. Эта проблема рассмотрена ниже.

ренту легче рассматривать на примере земли, поскольку в данном случае можно наиболее ясно показать, как она создается. Ниже я уделяю внимание важным аспектам ренты, часто возвращаясь к использованию земли как примеру создающей ренту собственности.

Права пользования и права на прибыль. В примере с арендатором и лендлордом арендатор платит собственнику, лендлорду, за использование земли. В данном случае имеет место отделение прав лендлорда на прибыль ввиду владения землей от прав арендатора на использование земли. Разделение владения и пользования, конечно, не обязательно. Фермер, который обрабатывает собственную землю, может также получать чистую прибыль, или ренту, вдобавок к вознаграждению за свой труд и проценты на капитал, который был вложен в его продукцию. Права на прибыль и права пользования, таким образом, сливаются.

Собственность – это совокупность прав, и она социологически и экономически привлекательна, когда права относятся к ресурсам, которые создают потоки доходов и возможностей. Некоторые из прав могут быть правами распоряжаться ресурсами, другие – получать прибыль от использования того или иного ресурса, и, наконец, это право использовать данный ресурс. Указанные права не обязательно должны быть сосредоточены у одного актора [Coleman 1990], а различие прав на прибыль и прав пользования может быть особенно существенно для социальной организации. Данные различия прозрачны и ожидаемы в случае с дающими ренту ресурсами, поскольку прибыль от ренты может быть получена независимо от персональных усилий. Поэтому права на прибыль от ренты могут быть легко обменены (например, группа крестьян уступает ренту от использования своей земли лендлорду в обмен на покровительство – один из сценариев возникновения феодализма).

Разделение права на прибыль и права пользования может осуществляться разными путями. В ситуации с землей эти пути определяют разные виды договоров аренды и в целом важные черты социальной структуры, которую мы называем феодализмом и которую рассмотрим ниже. Патент – другой пример отделения права на прибыль от права пользования дающим ренту ресурсом. Также ниже я покажу, как подобное разделение создает любопытные общественные договоренности относительно ренты от редких талантов.

Дифференциальные ренты. Снова рассмотрим производство бушелей зерна, но предположим для простоты, что они произведены фермером-собственником. Для производства одного бушеля зерна прикладывается определенное количество труда; также фермер использует оборудование, что является вложением капитала, составляющим процент на капитал. Доход от зерна обычно определяется спросом и предложением, и в то время как спрос растет, растет и цена за бушель. Для классических экономистов главная причина роста спроса заключалась в росте населения.

Фермеры, предположительно, будут производить и продавать зерно только тогда, когда доход превышает затраты на производство. Если спрос растет, растет и доход, и каждый фермер будет стремиться продать больше

зерна. Чтобы продать больше зерна, его надо больше вырастить. Предположим, что есть верхний предел количества зерна, которое может быть произведено с акра. Когда этот предел достигнут, дальнейший рост производства возможен только путем увеличения количества обрабатываемой земли. Если новые земли недоступны или если феодальные лорды прикрепляют крестьян к земле, возникает рента.

Цена зерна не зависит от места его производства (если, конечно, качество зерна не определяется тем, где оно произведено), но количество труда и капитала, необходимое для производства бушеля, будет различаться в зависимости от плодородия почвы. Таким образом, рента различается в зависимости от плодородия почвы. Рассмотрим формулировку Рикардо: «При первом заселении страны, где имеется в изобилии богатая и плодородная земля ... никто не будет платить ренты за такую землю, точно так же как никто не платит ренту за пользование воздухом и водой или каким-либо другим даром природы, существующим в неограниченном количестве. ... Следовательно, рента всегда платится за пользование землей только потому, что количество земли не беспредельно, а качество ее неодинаково, с ростом же населения обращается под обработку земля низшего качества или расположенная менее удобно. Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков. Когда поступает в обработку земля третьего разряда по качеству, тотчас начинает давать ренту земля второго разряда. ... В то же время поднимается рента с земли первого разряда, потому что она должна быть выше ренты с земли второго разряда на величину разницы в продукте, который они дают при данном количестве капитала и труда»¹ [Ricardo 1951: 69-70].

Эта цитата породила две проблемы, которые сильно повлияли на споры по поводу понятия ренты. Во-первых, возникает соблазн заключить, что рента – действительно плата за «плодородие», то есть за изначальную производительную силу почвы. Рента – это доход от свободных даров природы [Marshall 1949: 63]. Такое понимание может ввести в заблуждение, ибо рента зависит и от иных, не только произведенных природой, обстоятельств. Во-вторых, поскольку плодородие может быть увеличено трудом и удобрениями, а рента является разницей между доходом и затратами труда и капитала, итоговые различия в плодородии неизбежно порождают некоторую неясность в определении ренты. Рикардо попытался достичь ясности, рассматривая ренту как разницу в доходах от земель разного качества, не учитывая при этом различия, порожденные трудом и капиталом. Эта концепция приобрела известность как *дифференциальная или рикардианская рента*.

Дифференциальная рента означает, что доходы собственника наиболее плодородной земли повышаются, как только владелец бедных земель начинает производить продукцию, поскольку спрос на нее настолько велик,

¹Цит. по: Рикардо Д. Начала ... С. 433-434.

что обретает смысл обработка даже таких земель. Обработка менее плодородных земель имеет смысл, когда доход с них достаточен для того, чтобы возместить их владельцу затраченные усилия и вложения. Если мы предположим, что для обработки бедной земли требуется некоторое количество рабочего времени, то неизбежен вывод, что времени для получения того же дохода с земли более плодородной требуется меньше. Иными словами, владельцу плодородной земли нужно работать меньше, чем владельцу бедной ради достижения того же уровня благосостояния. Таким образом, идея дифференциальной ренты подразумевает взаимную зависимость между собственниками бедной и богатой земли, а именно собственники более плодородной земли оказываются в выигрыше ввиду наличия земли бедной. В результате можно сказать, что собственники богатой земли эксплуатируют собственников земли бедной. Это неомарксистское определение эксплуатации, предложенное Рёмером [Roemer 1982].

А. Маршалл оспаривает истолкование дифференциальной ренты как представления о том, что богатый фермер состоятелен потому, что есть бедный фермер [Marshall 1949]. Он утверждает, что, если бы земля бедного фермера оказалась исключенной из производства, скажем, вследствие наводнения, богатому фермеру от этого нисколько не стало бы лучше. Это, конечно, верно. Однако взаимозависимость между агентами рынка, связанными с производящими ренту ресурсами, все же существует, и она обусловлена ограниченностью этих ресурсов. Богатый фермер таких ресурсов имеет больше, а бедный меньше. Таким образом, бедный фермер стал бы богаче, если бы при перераспределении земель каждый получил бы участок одинаковой плодородности.

Истинная рента и квазирента. Классические экономисты обычно рассматривали ренту как производное от земли, хотя Рикардо также обращал внимание на добычу редких минералов и металлов. Маркс, вопреки своему интересу к прибылям, нигде не рассматривал ренту иначе, как применительно к земле. Именно А. Маршалл, основатель неоклассической экономической теории, был тем, кто расширил понятие ренты до платы за ресурсы помимо земли. Когда другие дающие ренту ресурсы оказались в центре внимания, обнаружилось, что предложение многих из них ограничено жестко и поэтому они предоставляют возможность временного получения ренты. Главный пример здесь – новая технология производства чего-либо. Эта новая технология может вначале давать ренту ее собственнику. Однако другие могут воспроизвести эту технологию либо открыть иные, равно или даже более продуктивные ресурсы. Первоначальное ограниченное предложение преимуществ новой технологии тогда исчезнет, а вместе с ним и рента.

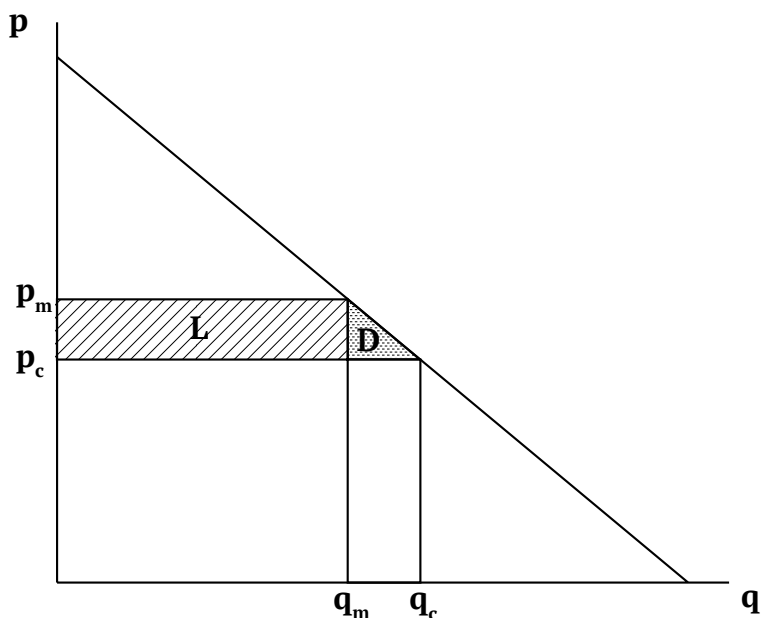
Чтобы подчеркнуть временную природу такой ренты, Маршалл, ввел различие между истинными (рентами. – *Примеч. пер.*) и квазирентами. Истинные ренты постоянны. К ним относятся платы за использование земли и за природные или редкие способности, обусловленные врожденными талантами, то есть те случаи, когда дающий ренту ресурс не может быть увеличен или увеличивается очень медленно. Квазиренты –

это платы за ресурсы, предложение которых в достаточной мере чувствительно к их рыночной цене, чтобы ожидать его увеличения, если только оно сулит сверхприбыли. Для составляющей квазиренды в плате за такой актив имеет значение время существования последнего. Чем короче время существования экономического ресурса, тем, как правило, предложение этого ресурса чувствительней к цене. Таким образом, чем больше в платеже за ресурс доля процентных выплат, тем меньше доля квазиренды. Маршалл писал: «...таким образом, наше центральное утверждение заключается в том, что процент на свободный капитал и квазирендита от прежних вложений капитала незаметно перетекают друг в друга; даже земельная рента является не вещью в себе, а важнейшей разновидностью более обширного класса. Однако, на самом деле, именно такие частности жизненно важны как с точки зрения теории, так и на практике» [Marshall 1949: 342].

Временное измерение ренты имеет решающее значение для типов социальной организации, которые возникают вокруг производства и распределения рент. Ниже я покажу, что феодальное общество может быть рассмотрено как социальная организация, основанная на распределении постоянных земельных рент. Как бы то ни было, социальные структуры и процессы, конечно, также в большей степени связаны с тем, с каких пор источник ренты начинает ее давать и насколько постоянна данная рента. Это хорошо видно на примере социально обусловленных рент, называемых монопольными рентами.

Монопольные ренты и погоня за рентой. «Искусственные» или социальные ограничения производства создают монопольные ренты. Монополия могла возникнуть «естественно», вследствие роста прибыли за счет эффекта масштаба, влекущего чрезмерно высокие издержки при запуске производства для других, как в случае с производством автомобилей. Часто монополии инициируются правительствами посредством выдачи лицензий и патентов. Наконец, монополии создают общественные объединения, такие как профсоюзы или промышленные союзы, которые договариваются регулировать производство чего-либо. Во всех этих случаях предложение продукта не чувствительно к рыночной цене и ренты остаются вплоть до разрушения монополии. Эта ситуация иллюстрируется графиком.

Предположим ради ясности, что монополист работает в таких условиях, в которых средние затраты на производство за счет эффекта масштаба равны предельным. В выдвинутом предположении от этого условия ничего существенного не зависит. В условиях совершенной конкуренции выпуск продукции и цена могут быть q_c и p_c , причем цена будет соотноситься со стоимостью продукта. Монополист способен навязать цену p_m , большую, чем цена p_c , которая установилась бы при честной конкуренции. Соответствующий рост доходов отражен на графике прямоугольником L. Именно рост дохода производителя сверх и помимо необходимого для производства продукции и является рентой. Кроме того, к созданной ренте и соответствующему увеличению неравенства, ввиду уменьшения производства при цене p_m , добавляется и уменьшение общественного благосостояния. Масштаб этих потерь представлен треугольником D на графике. Это имен-

Потеря дохода и благосостояния в условиях монополии и конкуренции

но те «чистые издержки монополии», возникающие вследствие монопольных рент и расходов на социальные нужды, которые являются социально обусловленными растратами ресурсов.

Рост доходов монополиста, представленный прямоугольником L , является, конечно, преимуществом, которого могут желать и другие. Если другие столь же успешно войдут на рынок, в конечном счете конкуренция постепенно устранил монополистическую ренту, понизив цену до p_c и повысив количество товара до q_c . Такое временное преимущество первоначального производителя и является квазирентой по терминологии Маршалла.

Этот сценарий, конечно, предполагает, что и другие производители могут запустить свое производство. Если существуют чрезмерно высокие издержки вхождения на рынок, обусловленные технологией производства, политикой правительств или торговых ассоциаций, соревнование будет идти за получение монополии. Такое соревнование можно назвать погоней за рентой. Усилия и другие затраты, предпринятые в попытках завладеть дающим ренту благом или ресурсом, конечно, снижают прибыли монополий. В самом деле, желающие завладеть монополией вынуждены платить некий эквивалент прибыли, дабы получить ее и тем самым доход от ренты полностью нивелируется. Затраты на поиск ренты не увеличивают производительность общества и поэтому представляют собой растрату ресурсов [Tullock 1980]. Эта растрата дополняет растраты, вызванные чистыми издержками монополии.

Характер погони за рентой зависит от того, может быть монополия продана или нет. Если она может быть продана, то ценность монополии будет определяться снижением доходов от нее в будущем. Продажа может принести большую прибыль тем, кто был первым монополистом, но следующие собственники монополии могут и не получить ренты. Например, часто утверждают, что ренты, полученные фермерами в виде сельскохозяйственных субсидий, приводят к росту стоимости земли и, таким образом, повысившиеся выплаты по процентам уничтожают первоначальное преимущество. Уничтожение монополярной ренты вовсе не означает, что возвратится ситуация соревнования. Капитализация монополии не отменяет потери в благосостоянии, вызванные этой монополией. Более того, будучи раз установленной, дающая ренту монополия лишь с трудом может быть уничтожена, даже когда монополия полностью капитализирована и рента исчезла. Одним из примеров, описываемых Таллоком [Tullock 1980], является система медальонов таксистов, подобная существующей в Нью-Йорке. Медальоны продаются, давая большой доход их первым обладателям, но только обычный – следующим. Их существование приводит к потерям для потребителей. Эти потери могут быть снижены лишь путем отмены ограничений на вождение такси, но этого уже нельзя сделать, не ущемив интересы нынешних владельцев медальонов.

Совместные ренты. Кроме рент, создаваемых природой и монополиями, существует третий тип рент. Такие ренты возникают при условии, когда есть два отдельных ресурса, которые связаны столь специфическим образом, что плата за их совместное использование превышает плату за их использование по отдельности. Эти ренты, согласно Маршаллу, называются совместными квазирендитами. Главный пример совместной ренты у Маршалла – пример совместного использования преимуществ собственника позиции на рынке и непосредственного пользователя той же позиции. Более специфичный пример – совместное получение ренты от мельницы, построенной рядом с плотиной. Если есть только одно место для расположения мельницы, ренты от мельницы и плотины не могут быть четко разделены: «в этом случае, когда сила воды и место принадлежат двум разным лицам, не остается ничего, кроме как “спорить и торговаться”, чтобы установить насколько превышает доход от совместного использования источника доход от использования собственником источника воды с иными целями» [Marshall 1949: 520].

Совместные ренты влекут за собой важные проблемы транзакционных издержек, а следовательно, и широкий спектр институциональных договоренностей. Например, они создают многие из структур рынка труда, как в случае внутренних рынков труда, оказавшихся объектом социологических исследований. Эту тему я разовью ниже.

В **заключение** подытожим, что ренты – это любые преимущества и прибавки, создаваемые природой или социальной структурой на протяжении определенного периода времени. Создание таких преимуществ я называю созданием ренты. Стремление получить ренту, когда она существует, – погоней за рентой. Поскольку ренты могут быть получены без активного

участия индивидов в производственной деятельности, это позволяет четко разделить права на прибыль и права пользования и, таким образом, запустить процессы распределения, которые не зависят от индивидуальных усилий и способностей и связаны с определенными сторонами социальной структуры. Далее, создание ренты связано с использованием ограниченно доступных ресурсов по принципу игры с нулевой суммой и, таким образом, оно с большой вероятностью ведет к формированию антагонистических интересов и возникновению социальных конфликтов. Эти неотъемлемые особенности ренты свидетельствуют о том, что создание ренты и погоня за ней будут иметь прямое отношение к социальной структуре. Следующий раздел посвящен некоторым важным идеям, касающимся создания и поиска ренты в их связи с социальной структурой.

Социальные последствия создания и погони за рентой

Структурные установления, возникающие вокруг распределения ренты, различаются в зависимости от того, какой тип ресурса дает ренту. Большая часть этого раздела посвящена социальным структурам в их связи с основными типами рент.

В целях дальнейшего развития этой идеи представим некое воображаемое общество¹. В этом обществе все транзакции совершаются в условиях совершенного рынка и система находится в совершенном рыночном равновесии². Всякий доход здесь будет иметь источником либо труд, либо капитальные вложения: «вложения и жертвы, которые являются реальной ценой вещи» [Marshall 1949: 293]. Предположим далее, что это общество существует только в один период – период времени жизни его обитателей – и что все они имеют идентичные способности. У них есть разные предпочтения по поводу соотношения потребления и экономии. Некоторые предпочтут экономить в ранний период жизни, чтобы позже обеспечить себе более высокий уровень потребления. Другие будут вкладываться в повышение собственной продуктивности, приобретая умения и образование. Они получают доход от сделанных инвестиций точно так же, как и те, кто делал вложения в другие активы.

¹ Это сделано исключительно ради прояснения аргументации и не означает, что такое общество имеет преимущество перед другими.

² В этом воображаемом обществе вещи производятся исключительно для пропитания и удовольствия. Именно такая продукция и может порождать ренту. В данном отношении описываемое общество отличается от общества, воображаемого Коулменом в «Основах социальной теории» [Coleman 1990]. В базовой модели социального обмена Коулмена нет производства новых ресурсов. Акторы различаются по их интересу к ресурсам и по количеству ресурсов, которыми они владеют, а результатом действий, предпринятых ради контроля над ресурсами, является их более оптимальное распределение. Однако сумма ресурсов остается неизменной; в норме она всегда одна и та же. Поэтому производные значения «силы акторов» и «ценности ресурсов» относительны. Коулменовское понятие силы актора на самом деле может быть интерпретировано как определяющее базовое измерение стратификации общества, где все транзакции сводятся к обмену существующих ресурсов и никто не прилагает никаких усилий для производства чего-нибудь нового.

В этом воображаемом обществе не будет социально структурированного неравенства. В поперечном разрезе некоторые из них могут оказаться богаче других, но эти различия будут сглажены временем: в конечном счете доходы, или благосостояние, будут примерно одинаковы.

Если мы немного усложним сценарий, допуская наличие индивидуальных предпочтений в пользу работы против досуга или приятной работы против работы неприятной, то возникнет большее неравенство в денежных доходах, которое будет следствием сделанного людьми выбора. Все эти различия будут иметь отношение к личному выбору, но не к положению в социальной структуре.

Наше воображаемое общество, находящееся в состоянии совершенной конкуренции, не создает никаких рент. Отсутствие ренты связано со следующей его характерной чертой: нет побуждений соревноваться. Такова интуиция Хайека [1948]. Поскольку, когда рынок полностью соответствует представлению о совершенном рынке в неоклассической теории равновесия, нет условий для возникновения сверхприбылей и рент, тогда отсутствует и конкуренция в том смысле, в каком ее определял Самуэль Джонсон: «попытки получить то, что в то же самое время пытается получить другой» (цит. по: [Hayek 1948: 96]). Отсутствие ренты как платы за ресурсы, чье предложение хотя бы временно ограничено, делает такое предприятие довольно бессмысленным.

Согласно концепции конкуренции Хайека–Джонсона, два агента хотят одного и того же. Если А получает преимущество, то В оно не касается. Их интересы могут быть описаны как антагонистические, поскольку итогом их соревнования является нулевая сумма¹. Существование ренты, хотя бы временное, и является условием игры с нулевой суммой. Возникающие в результате антагонистические интересы влекут за собой социальные последствия ренты.

Ренты, таким образом, являются позиционными благами [Hirsch 1976]. Соперничество за такие блага создает очередь, положение в которой определяет возможность получения благ. Усилия и вложения искателей ренты, не добившихся благ, таким образом, растрачиваются попусту; эти усилия не дают результата в виде производства других ресурсов. Типичный пример – конкуренция за работу или позицию, когда доступ к позиции ограничен квалификационными или образовательными требованиями. Ограничение создает ренту, и обещаемое ею преимущество побуждает искателей работы вкладываться в образование. Вложения одних побуждают других к вложениям еще большим. Взаимозависимость, вызванная погоней за рентой, таким образом, приводит к чрезмерным вложениям во все необходимое

¹ Из этого рассуждения соблазнительно сделать вывод, согласно которому содержание понятия «интерес» сужается до конструкта «антагонистический интерес». В нашем воображаемом обществе совершенной конкуренции люди не имеют интересов, только предпочтения. Каждый может реализовать свои склонности способом, который не зависит от действий других. Тем не менее такое сужение понятия интереса, возможно, неоправданно. Например, интерес – это базовый элемент коулменовской теории действия, которая предполагает совершенный рынок обмена при отсутствии производства.

для ее получения. Бесплезные траты особенно серьезные, когда требования для получения доступа к позиции только частично совпадают с теми, которые требуются для работы на этой позиции. Классический пример сверхвложений – подготовка к экзаменам на должность чиновника в имперском Китае. Выгоды, получаемые теми, кто смог занять высокие позиции, были очень значимыми, но только для весьма небольшого меньшинства из тех, кто успешно сдал экзамены. Как заметил Бьюкенен [Buchanan 1980] в своем анализе этой системы, подготовка к экзамену имела значение только для государственной службы и не могла принести почти никакой пользы в жизни.

Погоня за рентой как соревнование за позиционные блага по принципу игры с нулевой суммой осуществляется в условиях того, что я назвал соревнованием за вакантные закрытые позиции в социальной структуре [Sørensen 1983]. Причины закрытости позиций различны. Доступ может регулироваться профессиями, союзами или лицензиями на занятие каким-либо родом деятельности. Он может быть также закрыт без участия непосредственно заинтересованных внешних агентов вследствие того, что существуют смешанные ренты, которые окажутся под угрозой, если доступ к позициям станет свободным, – эту ситуацию я рассматриваю ниже.

Взаимосвязь действий кандидатов на закрытие позиции имеет интересные последствия для распределения усилий. Поскольку доступ привязан к рангу, а ранги располагаются в определенном порядке, постольку общий уровень вложений в состязание не влияет на его результаты. Это создает возможности разных стратегий поведения. Если кандидаты смогут договориться соревноваться, скажем, в системе продвижения по службе, затрачивая небольшие усилия, они достигнут того же результата небольшой ценой. Так объясняется спокойная жизнь некоторых бюрократий, однако подобного рода соглашения создают стандартную «дилемму заключенного», когда может возникнуть сильное побуждение разорвать соглашение и, следовательно, осуществить сверхвложение в соревнование. Другое решение проблемы сверхвложений – использовать критерий родственных связей. Если только старший сын короля может стать королем, борьба за трон уменьшается.

Таким образом, погоня за рентой порождает внешние эффекты, поскольку действия, направленные на получение дающего ренту ресурса, будут иметь последствия для других агентов в системе. Этот аспект был отмечен в цитированном выше определении ренты Маршалла. Более детально по этому поводу он говорит следующее:

«В свою очередь фабрикант или торговец, владеющий и землей, и зданиями, считает все их имеющими одинаковое отношение к его предприятю. И земля, и здания сначала предоставляют ему весьма прибыльную помощь и производственную площадь, но затем, по мере того как он стремится извлечь из них все больше и больше выгоды, отдача от них сокращается, пока, наконец, перед ним не встает вопрос: так ли уж велики неудобства, связанные с возрастающей теснотой в цехах или складах, чтобы стоило приобретать дополнительную площадь? А когда

ему приходится принимать решение, приобрести ли эту площадь путем занятия добавочного участка земли или путем надстройки еще одного этажа на здании фабрики, он сопоставляет чистый доход, который можно извлечь из новых капиталовложений в первом и втором случае. ... Однако, с точки зрения общества, в целом здесь существует различие. Когда один человек владеет фермой, остается меньше земли, которой могут владеть другие люди. Использование им фермы не дополняет использование ее другими, он использует ее вместо других; когда же он вкладывает средства в улучшение земли или в возведение на ней зданий, он сколько-нибудь значительно не сокращает возможности других аналогичным образом применять свой капитал» [Marshall 1949: 358].

Ниже я рассматриваю эти последствия в связи со следующими главными источниками ренты: 1) свободные дары природы, которые создают ренту от земли; 2) источники, созданные монополиями и при социализме; 3) смешанные ренты. Свободные дары природы индивидам в виде уникальных способностей, которые дают ренту, являются отдельной проблемой ввиду их неотчуждаемости и будут рассмотрены после других типов.

Земля. Земля – ресурс, который породил обширную литературу о ренте, поскольку производство ренты землей представляется особенно понятным. Опираясь на отношения аренды, глупые и ленивые лендлорды будут получать такой же доход от ренты, что и лорды умные и деятельные. При этом рентополучатели обычно не должны делать ничего особенного, чтобы получить право на прибыль, кроме как «выбрать» для собственного рождения правильную семью¹.

Очевидная отделимость прав пользователя от прав на прибыль, допускаемая в случае земли, влечет вероятность того, что права эти и впрямь будут разделены. Разделение может быть достигнуто силой, когда победитель требует дань с завоеванных либо путем обмена, когда те, кто обладает обоими правами, отдают право на прибыль кому-то в обмен на военную защиту. Каждое из этих объяснений возникновения феодализма правдоподобно. Очевидно, что применение силы будет всегда ожидаемым способом ввиду того, что сама природа отношений по поводу земли есть игра с нулевой суммой. Интересы, связанные с землей, четко антагонистичны.

Рентные доходы могут и обычно последовательно перераспределяются в феодальном обществе, где вырабатывается соответствующая градация подчинения: императоры получают дань с королей, которые имеют ее с лордов, а крупные лорды облагают данью лордов поменьше. Вся эта система существует благодаря крестьянскому труду сельских арендаторов. Феодализм, таким образом, покоится на базовом отношении эксплуатации, которая очевидна и поддерживается силой. Любопытно отметить, что феодализм тут выступает как своего рода перевернутый корпоративный агент в концепции корпоративных агентов Коулмена [Coleman 1990]. Согласно

¹ Независимость рентных платежей от индивидуальных вложений делает их соблазнительной целью для налогообложения, и поэтому большая часть рассуждений о ренте классических экономистов касается влияния налогообложения на земельную ренту.

Коулмену, имеющие права пользования – менеджеры – наиболее могущественны. В феодальной социальной структуре пользователи как раз наименее влиятельны.

Феодальная социальная структура, основанная на переделе ренты от земли, в дальнейшем усложняется вследствие того, что земля обычно может использоваться несколькими способами – для выпаса, выращивания леса, охоты, возделывания. Эти варианты использования земли порождают дальнейшее деление прибылей и прав пользования. В результате возникает запутанная система прав, в которой никто не имеет полных прав собственника, но лишь немногие не имеют прав вообще. Даже сервы имеют права, которые могут быть ими переданы [Plankans 1989]. Эта система образует стабильную структуру, пока создаются ренты. И она будет сохраняться, пока погоня за рентой не разрушит эти ренты.

Главная форма погони за рентой, которая уничтожает ренту, – это приобретение, основанное на капитализации ренты и, как следствие, снижающее будущие прибыли от земли. В данном случае доход с земли сводится к обычному проценту на капитал. Капитализация предполагает, что права могут быть рекомбинированы до простых прав на собственность таким образом, что исчезнет отдельное право на прибыль, на котором основано феодальное общество. Предположительно именно по этой причине в средневековой Европе существовал официальный запрет на торговлю землей [Bloch 1962]. Кроме того, область применения денежного капитала была невелика, и только тогда, когда это изменилось, запреты на торговлю землей утратили эффективность.

В отсутствие торговли главными формами поиска ренты в данной системе становились либо применение силы, либо, как альтернатива, создание социальных единиц, которые удерживали бы прибыль. Такой единицей являлась, несомненно, семья. Жизнь человека была непредсказуемой и нередко короткой. Главной для сохранения рентного дохода оказывалась защита связи между семьей и набором принадлежащих ей прав. Земля незыблема, и ее деление между индивидами сокращает доход. Жизнь человека поэтому подчинялась требованиям семьи. Это касается всех уровней системы, несмотря на то, что престиж или уважение, которые получали отдельные индивиды благодаря своему выдающемуся вкладу на благо семьи, может поколебать этот образ. Стать частью семьи можно было только по праву рождения или при вступлении в брак. Именно это определило основные механизмы сохранения и поиска рент.

Ведущая стратегия сохранения связи между семьей и принадлежащими ей правами заключалась в рождении наследников и регулировании наследования¹. Первым требованием является вступление в брак. Семьи регулируют брак путем стратегий исключения, которые становятся определяющим критерием статусных групп [Weber 1968], если не классов [Schumpeter 1956]. Строясь на основе силового метода, брак тем не менее становился важным механизмом, благодаря которому лица, не принадлежащие к

¹ Более подробно см.: [Sørensen 1998].

семье, могли получить право на ренту. Браки создавали возможность как для расширения данных прав, так и для их рассеивания.

Проблема производства на свет наследников заключалась в том, чтобы обеспечить их достаточное, но не чрезмерное количество. В прежние времена смертность как женщин, так и младенцев и детей была высока, но такой же являлась и рождаемость, что порождало множество вариантов; необходимо было снизить издержки этих вариантов. Когда потенциальных наследников оказывалось слишком много, можно было отправить лишних сыновей на войну или в священники, а лишних дочерей – в монастыри. Среди правил наследования, расставлявших приоритеты между выжившими наследниками, наибольшее распространение имели правила единородства и первородства. Эти правила были особенно жесткими там, где перенаселенность сочеталась с крайне ограниченными земельными ресурсами [Yver 1966], то есть там, где дающие ренту свойства земли были наиболее выраженными.

Другой проблемой могло стать слишком малое количество выживших наследников. В Европе ассортативные браки вкупе с религиозными требованиями, касающимися родства, часто вели к появлению безнаследных состояний. Католическая церковь накладывала очень строгие ограничения на вступающих в брак, с запретами вплоть до седьмой степени родства, а также с запретами на усыновление. Эти ограничения обогащали церковь [Goody 1983], так как рентные доходы завещались ей теми их обладателями, которые не имели наследников. Для наиболее влиятельных агентов системы это также открывало возможность использовать оставшиеся без наследников ренты для возвышения менее знатных семей, как, к примеру, делали короли, передавая наследные права другим достойным семьям и тем самым увеличивая их зависимость.

Социальные структуры, сформировавшиеся вокруг распределения рент от земли, являются устойчивыми, даже несмотря на мобильность семей, связанную с брачными отношениями и их вымиранием. Такие социальные структуры могут измениться только вследствие изменения базовых отношений эксплуатации, которые их обуславливают. Данные изменения будут сопровождаться насилием в борьбе за ренту и бунтами тех, кто создает ренту своим трудом. Тем не менее подобного рода конфликты обычно не меняют базовые структуры, поскольку они не меняют основной механизм достижения преимуществ, связанный с ограниченностью земельных ресурсов. Главной угрозой этим структурам является уничтожение рент вследствие капитализации земли. Такая капитализация стала возможной в условиях возрастания значения денежного капитала, вызванного коммерциализацией торговли и производства благ.

Капиталистическое производство. Как было показано выше, капиталистическое производство создает монопольные ренты. Эти ренты, как правило, превращаются в квазиренты, за исключением случаев, когда монопольное преимущество каким-то образом сохраняется. Тем не менее можно сказать, что стремление получать такие ренты является основой рыночной конкуренции и главным источником динамики капитализма. Изна-

чально рента часто создается посредством «природного дарования», в форме идеи нового продукта или новой производственной технологии. Другие могут затем воспроизвести идею или технику, и в итоге, в соответствии с обычным сценарием, конкуренция убивает ренту.

То, что ренты от инноваций временны, не значит, что они не имеют никакого отношения к распределению. На самом деле они очень важны для распределения благосостояния. Туроу показывает, что многие (около половины) крупнейшие состояния в США были созданы в очень короткие промежутки времени (часто менее пяти лет) успешными предпринимателями, которые затем капитализировали первоначальные ренты [Thurow 1975]. Прочие состояния были получены в наследство; их источником, конечно, также могла быть какая-то инновация.

Ввиду временной природы рент при капитализме, граница между правом на прибыль и правом пользования гораздо менее очевидна, чем при феодализме. Это ставит проблему определения эксплуатации при капитализме. Маркс, которого волновала данная проблема, нашел решение, которое фактически восходит к феодальному разделению (права на собственность и права на прибыль. – *Примеч. пер.*), используя трудовую теорию стоимости и приписывая трудящимся право на всю производимую стоимость. Сюда включалась и стоимость, произведенная капиталом, описываемым как «мертвый труд». Все прибыли, даже обычный процент на капитал, становились прибавками, созданными трудом и затем присвоенными капиталистом без использования силы, но путем осуществления права на прибыль от частной собственности. Этой концепции для создания сверхприбыли не требовались монополии. Производство излишков является неизменным свойством капитализма, в основе которого лежит беспрестанная погоня за постоянно падающей нормой прибыли. Трудовая теория стоимости преуспела в определении эксплуатации в аналогичной феодализму манере. Она исходит из того аспекта структурных позиций, который обусловлен правом собственности на средства производства, дающим капиталисту право на прибыль от добавочной стоимости, создаваемой трудом рабочих. Приписывая прибылям свойства, присущие земельным рентам, Маркс сформулировал концепцию непрерывной капиталистической эксплуатации, которая имела те же основные черты, что и эксплуатация феодальная.

Проблема данного подхода заключается в трудовой теории стоимости. У нее мало сторонников даже среди марксистов. Если процент на капитал рассматривается не как разновидность ренты, но как плата, призванная возместить инвестиции, то при капитализме нет никакого неизбежного лишнего прироста, исключая тот, который создается монополиями. Но существует ли другая теория эксплуатации, альтернативная теории, основанной на трудовой теории стоимости? Кандидатом на место такой теории является предложенная уже упомянутым Рёмером [Roemer 1982]; она, кажется, черпает свое вдохновение в цитированном выше рассуждении Рикардо. Рёмер (см. также: [Roemer 1988]) развертывает свою основную идею, используя теорию игр для определения эксплуатации как всяких неравенств, порожденных неравным обладанием производственными ресурсами. Критерием

здесь становится равное распределение ресурсов – эксплуатация имеет место, если группа, привлекающая дополнительные ресурсы, стала богаче. Эта (очень общая) теория эксплуатации утверждает, что любое неравенство в производственных возможностях порождает эксплуатацию, насколько бы временной она ни была. Например, неравенство в образовании порождает эксплуатацию умений. Против этой идеи можно возразить, что такие периодически затрагиваемые разные группы неравенства не обязательно подразумевают сохранение неравенств на протяжении длительного времени. Следовательно, правдоподобность этой теории, таким образом, зависит от выбранных временных рамок. Я рассмотрю этот вопрос ниже.

Другая формулировка марковского понятия эксплуатации может заключаться в рассмотрении создания капиталистами и рабочими совместной ренты, которая распределяется невыгодным для рабочих образом. Это, конечно, предполагает, что совместные ренты делятся между всеми сторонами, при том что торг складывается невыгодно для рабочих. Разумеется, ситуация различается от случая к случаю. Однако можно утверждать, что рабочие как класс оказываются в невыгодном положении, поскольку не имеют другого занятия. Такое определение эксплуатации было предложено Коэном [Cohen 1988]. В нем также есть что-то из метафизики трудовой теории стоимости.

Трудно согласиться с идеей в духе Маркса, что в самой по себе капиталистической продукции существует некая «скрытая» форма ренты или прибýtка. Это означает, что искатель ренты обычно нуждается в содействии государства, чтобы сохранить преимущество: в получении лицензии или иной формы защиты от вторжения конкурентов. Государство всегда было тесно вовлечено в создание таких преимуществ, какими являются монопольные ренты. На ранних стадиях индустриализации все производство регулировалось государством или монархом, что отразилось в меркантилизме. Такая экономическая организация сохраняла отношения зависимости, характерные для феодализма; то, что король давал, он же мог и отнять. Все это обогащало королей, обеспечивая им долю ренты, созданной монополией и лицензией, и это же делало лоббирование при дворе неотъемлемой частью работы предпринимателей. Таким образом, подобное общество можно назвать прототипом общества поиска ренты, где значительные ресурсы вкладывались в получение дающих ренту монополий [Baysinger, Ekelund, Tollison 1980] сверх и помимо тех вложений, которые направлялись на производство товаров. Такая система была разрушена вследствие ослабления власти королей, как в XVII–XVIII вв. в Англии, или вследствие революции, как во Франции, что породило капитализм и свободную конкуренцию.

Современный капитализм не уничтожил погоню за рентой. Особенно яркими примерами приносящих ренту монополий, которые не разрушит конкуренция, являются типы экономической активности, созданные государственным регулированием. Примерами тут служат лицензирование государством определенной экономической активности, например импорта или экспорта, определенной профессиональной деятельности,

субсидии на производство, меры, которые ограничивают конкуренцию путем повышения входных издержек и многие другие формы экономического регулирования. Погоня за рентой будет осуществляться посредством получения лицензии или путем обхода ограничений, налагаемых лицензией. В отсутствие рыночного обмена соперничество за лицензии или регулирование влечет множество лоббистских действий, направленных на защиту лицензий или преимуществ. Такие действия экономически расточительны, поскольку они представляют собой скорее потерю ресурсов, чем их перемещение. Крюгер [Krugger 1974] показал, что доходы тех, кто организует регулирование внешней торговли в Индии и Турции, составляют 7% и 15% ВВП соответственно. Эти социальные потери, порожденные погоней за рентой, возникшей в результате правительственного регулирования, получили широкое освещение в рамках исследования публичной политики (см. больше: [Buchanan, Tollison, Tullock, 1980]).

Рациональное обоснование создания государством монопольных рент обычно заключается в том, что путем такого регулирования могут быть получены некоторые общественные блага, которые в ином случае были бы утрачены: компетентные врачи, безопасные автомобили и семейные фермы. Преимущества могут быть или не быть капитализованы в зависимости от того, можно ли их продать. Если преимущество капитализуется, рента исчезает. Главной ценой тут являются безвозвратные потери от монополий (иными словами, треугольник благосостояния, описанный выше). Данные потери, а они часто не могут свести на нет уже достигнутое преимущество, следовало бы сравнивать с общественной пользой (от этих монополий. – *Примеч. пер.*) – сравнение, которое обычно неосуществимо.

Замечание о социализме. Уничтожение частной собственности и коллективный контроль над экономикой предполагают возможность устранения частного присвоения рент и несправедливых преимуществ, обусловленных частным контролем над дающими ренту ресурсами. Это обещание социализма трудно исполнить. Полный государственный контроль над экономикой обеспечивает широкие возможности для создания ренты, и значительная доля политической и социальной активности при социализме может быть описана как погоня за рентой [Clark, Wildavsky 1990; Szelenyi 1981; Walder 1986]. Во многих социалистических странах номенклатуры являлись основой для распределения жилья, привилегий, касающихся путешествий, привилегий в потреблении, образовательных преимуществ, и могут рассматриваться в качестве сложных механизмов распределения рент, которые привязаны к занимаемым позициям и не зависят от конкретных действий тех, кто занимает эти позиции¹.

¹ Номенклатура – не изобретение социализма, а пережиток феодализма. В Датском королевстве все еще издается «Придворный и государственный календарь», который представляет собой перечень должностей всех главных чиновников и служащих (священников, профессоров, гражданских служащих и т.д.). До сих пор должность дает некоторые привилегии. Список занимающих такие должности определяется преобладанием той или иной придворной партии.

Анализ социалистических обществ как машин, производящих ренту, – серьезная и сложная задача, которую я не буду пытаться здесь решить. Для этого надо было бы преодолеть массу сложностей. Анализ рент в рыночном обществе позволяет определить ренту в сопоставлении с ценами и доходами при свободной конкуренции, сколь бы приблизительным такой стандарт зачастую ни являлся. Но такого основания нет в социалистическом обществе, в котором цены и доходы устанавливаются административно. Это не значит, что в таком обществе, чисто теоретически, невозможно получение незаслуженных преимуществ.

Совместные ренты. Совместные ренты возникают вследствие уникальной комбинации двух производственных активов или ресурсов, причем такая комбинация обеспечивает большую плату, чем может быть получено за применение каждого из ресурсов по отдельности. Все это представляет особый интерес при анализе структур рынков труда.

Давно известно, что на протяжении долгого времени существуют различия в размерах заработных плат в разных отраслях производства. Одни и те же работники получают разную плату в разных отраслях промышленности. Различия существенны и касаются всех работников вне зависимости от профессии [Krueger, Summers 1987]. Этот факт является проблемой для стандартной теории конкуренции. Последняя предполагает, что различия связаны с неизмеримыми качественными характеристиками работников, или с компенсирующими надбавками, или с обоими факторами сразу. Крюгер и Саммерс находят такие объяснения противоречивыми. Одна из причин заключается в том, что различия касаются всех работников, включая тех, кто, несомненно, выполняет одинаковые задачи во всех отраслях, как, к примеру, секретари и менеджеры. Различия тесно связаны с характеристиками товарного рынка: в более прибыльных отраслях с более могущественными монополиями, как и в наиболее капиталоемких, размер зарплат выше. Это предполагает объяснение данного феномена по Маршаллу, в понятиях совместной ренты, то есть совместного преимущества собственника и пользователя выгодной позиции на рынке. Хорошо известно, что в различных отраслях [Thurow 1975] есть очень явные различия в реальных доходах, хотя эти доходы капитализируются и уравниваются на финансовых рынках.

Проблема теперь заключается в том, как объяснить, зачем собственникам делить ренту. Крюгер и Саммерс предлагают объяснение в понятиях теории эффективной заработной платы – работники, которым больше платят, более продуктивны. Более высокая продуктивность может уничтожить ренту, но фирмы могут вначале платить высокую заработную плату только некоторым категориям работников, а затем, из соображений справедливости, даже там, где производительность труда не важна [Krueger, Summers 1987]. Особая важность справедливости при установлении зарплат подчеркнута в модели эффективной зарплаты, предложенной Акерлофом [Akerlof 1982], вдохновленным идеями Хоманса [Homans 1954] и теорией референтных групп. Как заметили Крюгер и Саммерс, работники обычно оценивают справедливость получаемой ими платы, основываясь на том, как живут другие работники.

Важность эффективной заработной платы также была подчеркнута Райтом. В своей первой классовой модели [Wright 1979] он использует объяснение высоких зарплат «полуавтономных работников», которое равноценно объяснению с точки зрения концепции эффективной заработной платы, а его поздняя классовая схема [Wright 1989] предполагает «ренту лояльности» как объяснение зарплатных преимуществ менеджеров. Однако эти концепции не объясняют межотраслевых различий.

Объяснение деления ренты при помощи концепции эффективной заработной платы выворачивает проблему наизнанку: если достигается более высокая продуктивность, рентный доход работников пропадает. Существенные межотраслевые различия в заработной плате – и смешанные ренты, которые, как кажется, эти различия сопровождают, – таким образом, остаются «аномалией» [Thaler 1989; Solow 1990], объясненной только частично.

Смешанные ренты также появляются тогда, когда работники проходят специальное обучение на рабочем месте и, как следствие, их труд становится более производительным, чем в другой фирме [Becker 1964]. Проблемы, связанные с посредничеством и контролем, также могут создать возможности для появления смешанных рент. Это станет причиной получения прибыли, которая может исчезнуть, если исчезнет согласие между фирмой и работниками, так что трудовые отношения становятся закрытыми [Sørensen 1983]. Существует два способа решения этих проблем. Один из них заключается в уничтожении совместной ренты путем организации производства так, что исчезает проблема транзакционных издержек, а трудовые отношения приобретают открытость. Что касается специфических навыков, то это означает прекращение их использования. Устранение смешанных рент таким способом ведет к деквалификации, что соответствует теории и практике – вывод, который не очевиден с точки зрения оригинальной теории деквалификации Бравермана [Braverman 1974]. Общая тенденция в сторону деквалификации, вопреки многим попыткам, никогда не была обнаружена, также не удалось теоретически обосновать, что работодатели непременно останутся в выигрыше от снижения общего уровня квалификации работников. Тем не менее сокращение смешанных рент, возникающих за счет обучения работников на рабочем месте, могло бы стать приемлемой стратегией.

Второй вариант – сократить значение совместных рент, созданных транзакционными издержками, сохраняя при этом закрытые для посторонних трудовые отношения, путем введения организационных практик, нацеленных на повышение индивидуальных усилий. Обширная литература о внутренних рынках труда может быть рассмотрена как попытка найти организационные решения проблемы, связанной со «спорами и торгами» и порожденной смешанной рентой. Известным решением этой проблемы является введение схем продвижения по служебной лестнице ради повышения усилий работников. Эти схемы основаны на взаимозависимости усилий, возникающих вследствие конкуренции как игры с нулевой суммой, связанной с позиционными благами, каковыми

являются зарплата и разница в доходах, обеспеченные продвижением по карьерной лестнице.

Карьерные лестницы создают положительные и отрицательные ренты, поскольку работникам платят ниже или выше их рыночной заработной платы в зависимости от положения в системе. Это не значит, что данные работники будут получать сверхдоходы (кроме своей доли смешанной ренты) на протяжении всей жизни. Как и в случае с вложениями в образование, перекрестное распределение не гарантирует долговременных преимуществ.

Ренты от природных способностей

Природные способности следует понимать как такие «дары природы» в виде генетических способностей, которые позволяют производить нечто, пользующееся спросом. В той мере, в какой эти способности не могут быть получены или увеличены благодаря упражнениям, они могут стать источником ренты.

Способности являются неотчуждаемой собственностью индивида. Получение выгоды от них возможно только при активном личном участии. Социальная организация использования этих способностей осуществляется либо путем непосредственного участия в рынке, либо путем участия в отношениях занятости, при которых индивид обменивает право использовать свои способности и другие качества на зарплату. Таким образом, естественные способности производят ренту, которая не связана с социальной позицией, а зависит от личности индивида, эту позицию занимающего. В данном случае у нас не возникает структурных антагонистических интересов и конфликтов с нулевой суммой по поводу распределения дающих ренту ресурсов. Тем не менее тут еще остается возможность продать свое право на прибыль, и поэтому ренты от естественных способностей становятся социально организованными.

Следует провести различие между общей одаренностью и специализированными способностями, на которые может быть или не быть спроса. Общая одаренность, порождая высокую продуктивность во многих занятиях, будет иметь своим результатом высокие заработки. Но высокая продуктивность может быть достигнута и посредством обучения. Расходы на обучение, которые вынуждены нести менее способные, создают для обладающих этой способностью прибыль, являющуюся рентой. Обученные могут понимать это и охранять монополию на определенное дающее прибыль занятие, препятствуя людям не тренированным, но равно продуктивным. Оценку работника по диплому можно, таким образом, понимать как механизм, позволяющий менее способным уничтожить ренту, получаемую наиболее способными. Это оборотная сторона объяснений, обычно даваемых по поводу существования профессиональной сертификации и лицензирования определенных видов деятельности. Обычно эти ограничения рассматриваются скорее как такой социальный институт, который способствует созданию ренты, а не ее уничтожению.

Способность часто упрощает обучение и, таким образом, может создавать ренту за счет понижения затрат на обучение. В самом деле, общая ода-ренность обычно понимается как наличие ума и высокой способности к обучению. Существует интересная особенность полученной таким образом ренты. Предположим, что единственный эффект способности – снижение затрат на обучение. Возмещение средств, вложенных в обучение, для человека будет определяться средними затратами на обучение. Тот, кто благодаря своим превосходящим способностям понес наименьшие затраты, затем получит ренту, которая пропорциональна разнице между этими затратами и средними. Эти дифференциальные ренты можно рассматривать как полученные при участии индивидов, менее способных к обучению, – точно так же, как получается рикардианская рента с земли.

В случае общих способностей трудно отделить права на прибыль от прав пользования ввиду смешения способностей естественных и приобретенных в результате обучения. Специфические таланты в данном отношении представляют меньшую проблему, так как обычно ясна разница между заработком, получаемым вследствие применения таких талантов, и заработком, получаемым без применения таковых. Таким образом, появляется много возможностей для обменов, включающих ренту, в том числе обменов, подразумевающих эксклюзивное использование ресурса другими. Хорошие примеры тому – командный спорт и выступления артистов при дворах в прежние времена.

Причиной для продажи прав на получение прибыли в виде ренты от специфических талантов является то, что эти таланты создают особую проблему. Люди, родившиеся с необыкновенными способностями пите-чера, не могли бы получать ренту в Европе, там, где бейсбол либо не известен широко, либо вызывает лишь скуку там, где с ним знакомы. Даже когда спрос есть, индивид со специфическими способностями часто не может ни самостоятельно распознать, ни привлечь аудиторию. Поэтому он или она должны стремиться привлечь к участию того, кто способен эту публику создать, – принца в прежние времена, агента или организацию, как сейчас. В результате получается типичный пример возникновения смешанной ренты в том смысле, как она определялась выше. Артист или атлет не может получить и доли ренты без публики. Тот, кто привлекает аудиторию, не может получить никакого дохода без артиста или атлета. Исход торга по поводу смешанной ренты между привлекающей аудито-рию организацией и талантливим индивидом будет зависеть от отно-сительной силы обеих сторон. Одной из важных тем является степень, в которой право на прибыль может быть передано третьим сторонам, дру-гой – оценка того, до какой степени конкретный талант может проявить себя самостоятельно. Это особенно трудно в командном спорте и ином коллективном творчестве.

Специфические таланты временами создают блага, которые являются неделимыми и неисключаемыми. Как только такое благо создано, уже ни-кто не может быть от него отлучен. Такие блага не имеют цены, и прибыли от них не могут быть монетизированы. Ренты от предоставления таких благ

не дают денежных доходов. Я полагаю, что в этом случае доходом является престиж. Примером блага такой природы, созданного посредством специфического таланта, является героизм, награда за который – почет, *Die Ehre*¹ [Weber 1968]. Героизм может быть институционализирован попытками монополизировать стиль жизни, создаваемый героями, как, например, рыцарское поведение. Это представляется именно тем сценарием, который предлагал Вебер в своих немногочисленных, но часто упоминаемых замечаниях о «статусных группах». У социологов эти понятия и терминология привели к совершенной путанице вследствие плохого перевода и недостаточной осведомленности о рыцарской традиции².

Рента в виде престижа является очень высоко оцениваемым вознаграждением, погоня за которым рождает фанатиков и порой ведет к саморазрушению. Существуют подсистемы общества, в которых престиж – самое главное вознаграждение. Главный пример – Академия, где производство нового знания является наиболее важной деятельностью и где будут существенные потери, если блага, производимые посредством этой деятельности, станут исключаемыми. Отсутствие рыночных цен делает главной наградой престиж, а высокий престиж становится мерилем исключительных способностей. Погоня за рентой в Академии создает эгоманьяков и способствует весьма деструктивному поведению.

В целом погоня за рентой осложняется по причине неотчуждаемости создающего ренту ресурса, когда источником ренты является врожденная способность. Главными способами погони за рентой являются селекция, создание суррогатов и погоня за иллюзией. Селекция коварна, так как наследственную одаренность трудно выявить и еще труднее сохранить. Шансы на успех возрастают при развитии стратегий социализации, которые способствуют обнаружению способностей. Эти способствующие и заместительные стратегии могут быть монополизированы как «культурный капитал». Иными словами, культура может рассматриваться как заменитель способностей, который создает монопольную ренту при использовании эффективных стратегий, направленных на исключение других из этой монополии. Специальные школы и обособление жизненных укладов – главные стратегии, в которых монополизация культурного капитала эффективна, что, по-видимому, происходит во Франции [Bourdieu 1977].

Превращение стремления получить ренту от способностей в погоню за иллюзией происходит следующим образом, что заметил еще Адам Смит. Предположим, что некий очень способный индивид получает исключительно высокие доходы в данной профессии. Люди будут игнорировать более низкие заработки других в той же профессии и связывать высокий заработок с самой профессией, а не с исключительными способностями лица, этот

¹ *Die Ehre* (нем.) – почет (Примеч. пер.).

² В качестве попытки прояснения см.: [Sørensen 1994]. Особенно серьезная путаница порождена использованием понятия «профессиональный престиж», которое отсылает к измерению чего-то, что по определению является не честью, а мерой общего благосостояния, обеспечиваемого профессиональной позицией.

заработок получающего. Иными словами, они будут приписывать ренту позиции, но не личности. Следствием этого становится чрезмерный наплыв кандидатов на данную позицию или сферу деятельности – это главный пример социальных растрат, вызванных погоней за рентой.

Ренты, интересы и время

Я заявил во введении, что обещание структурной теории неравенства заключается в установлении связи между процессами распределения и процессами социальных изменений, причем эти изменения обусловлены конфликтами интересов, создаваемыми распределением преимуществ. Я пытался показать, что ресурсы, создающие ренты, удовлетворяют главному критерию «структурного» преимущества, то есть преимущества, которое может приобретаться независимо от усилий индивида, занимающего обеспечивающую это преимущество позицию. Эта позиция может определяться отношениями собственности, силы или трудовыми отношениями.

Чтобы вызывать социальные конфликты, преимущества должны порождать интересы, «привязанные» к позициям в социальной структуре. Преимущества должны быть созданы рентами. Те преимущества, которые являются обычными вознаграждениями за осуществленные вложения, такие как сбережения или пожертвования в терминах Маршалла, не порождают антагонистических интересов, поскольку простое перераспределение инвестиционной активности не может повлечь перераспределение преимуществ¹. Иными словами, получение таких преимуществ не является эксплуатацией, при которой обделенные обогатились бы за счет дележа ресурсов, создающих это преимущество. Уже был упомянут пример образования: если доходы от образования не включают в себя ренту, общий доход на протяжении жизни для всех уравнивается и в среднем будет одинаков. Равный доступ к образованию не влечет за собой пожизненного закрепления преимуществ.

Неравенство, затрагивающее разные социальные слои и порожденное вложениями в образование или определенными траекториями карьеры, которое не может быть закреплено пожизненно, не формирует антагонистических интересов. Это кажется эмпирически правдоподобным. Гораздо менее ясно, как следует понимать передачу богатства, созданного инвестициями, от одного поколения к другому. В этом случае наследники получают некоторое преимущество, не платя за это, и перераспределение преимущества, безусловно, могло бы обеспечить большее равенство возможностей. Ответ на это вопрос зависит от понимания базовой единицы социальной стратификации. Если в качестве таковой рассматривается семья, то межпоколенческая передача преимуществ может быть понята как выходящее за рамки одного поколения распределение накопленного в противовес потреблению. Если единицей является индивид, то такая передача создает ренту

¹ Этот аргумент, конечно, предполагает, что проценты на капитал не являются прибавочной стоимостью, как у Маркса.

и порождает неравенство возможностей, которое можно считать несправедливым.

Интересы, основанные на преимуществах или недостатках, обусловленных распределением рент, привязанных к структурным позициям, изначально могут быть неявными [Dahrendorf 1959]. Они становятся явными и формируют основу для действий, когда обнаруживаются и принимаются лицами, занимающими эти позиции. Процесс осознания интересов – процесс, называемый формированием класса в марксистском или веберинском классовом анализе. Это именно тот процесс, когда классы становятся субъектами, проходя ряд стадий, описанных, например, Гидденсом [Giddens 1973]: осознания себя особым классом, классовой идентификации, классового сознания и революционного классового сознания. Этот процесс, как его обычно описывают, следует простому дюркгеймовскому сценарию. Индивиды со схожими объективными интересами, то есть находящиеся на схожих позициях в социальной структуре, будут с течением времени и по мере усиления связей постепенно двигаться от несознательности к революционному классовому сознанию, при этом понимая, что только изменение социальной структуры приведет к новому перераспределению преимуществ и недостатков. Этот сценарий, конечно, не зависит от существования «классов», которые удовлетворяют определенным специфическим критериям. По-видимому, для того чтобы запустить его в действие, необходимо всего лишь наличие интересов, связанных с позициями как результатами распределения преимуществ и недостатков. Как бы то ни было, для развертывания этого процесса интересы и выгоды, с ними связанные, должны обладать свойством постоянства.

Постоянство имеет две составляющие. Одна из них – постоянство принадлежности к позиции. Именно это составляло предмет интереса для тех, кто рассматривал социальную мобильность с точки зрения формирования классов, как, например, Джон Голдтроп [Goldthorpe 1987]. Другая составляющая, по меньшей мере столь же важная, как постоянство принадлежности к позиции, заключается в постоянстве преимуществ, на которых основаны интересы. Если некое преимущество, возникающее на основании положения в социальной стратификации, исчезает с течением времени, это отражается на интересах. Эта связь между временной траекторией преимуществ и артикуляцией интересов, кажется, полностью игнорировалась при анализе формирования классов и, шире, социальных подвижек.

Элементарное замечание, что превращение объективных интересов в субъективные мотивы для действия требует времени, имеет важные следствия. Как говорилось выше, ренты часто бывают временными или квазирентами. Артикуляция интересов, таким образом, должна зависеть от степени изменения размеров рент, обусловленных положением в социальной структуре. Из этого непосредственно следует, что структурные, или классовые, конфликты будут гораздо жестче при феодализме, чем при капитализме, поскольку ренты более устойчивы, если их источником является земля, нежели промышленное производство. Это предположение оказалось бы несостоятельным, если бы марксова теория стоимости была верна, поскольку

в этом случае всякую прибыль следовало бы считать рентой. Все же факты говорят в пользу этого предположения. В развитых капиталистических обществах никаких революций не было.

Что же касается неравенства, которое влечет конфликты интересов, то это именно такое неравенство, которое обусловлено распределением рент. Далее, выражение этих интересов в действиях зависит от двух факторов: от постоянства принадлежности к структурным позициям, обеспечивающим преимущества и невыгоды, обусловленные распределением рент и от стабильности ренты. Чем короче продолжительность существования квазирент, тем меньше оснований для формирования структурных интересов.

Постоянные ренты в современном обществе обычно связаны с правительственным регулированием экономической активности. Это, конечно, главная арена «политики интересов». Сюда относятся интересы, и касающиеся получения рент, и заключающиеся в сохранении рент, уже приобретенных. Кроме того, важным источником артикуляции интересов является стремление избежать потерь, которые могли бы иметь место, если бы ограничения, которые изначально порождали ренту, были отменены, вследствие чего нынешние обладатели ресурса не получили бы никакой ренты из-за ее капитализации ввиду преждевременной продажи. Фермерские субсидии являются тому хорошим примером. Первоначальная рента может исчезнуть вследствие итогового повышения цены земли. В любом случае потеря субсидий приведет к сокращению доходов до обычных размеров, по меньшей мере до тех пор, пока цена на землю прочно не установится. Таким образом, фермеры очень заинтересованы в сохранении субсидий. И у них это хорошо получается. (Одна из поистине поразительных ошибок Маркса [Marx 1963] – в том, что в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» он описывал фермеров как класс, возникающий в результате простого сложения – много картошки в мешке дают мешок картошки).

В конечном счете вопрос о том, насколько продолжительным должно быть рентное преимущество, чтобы считаться несправедливым, является эмпирическим. Столь же эмпирическим является и вопрос: сколько времени требуется группе индивидов, обладающих некими общими объективными интересами, чтобы осознать эти интересы и сделать что-то для их реализации? Ни одному из них не уделено внимания ни в исследованиях социологов, ни в чьих-либо иных. Тем не менее они обладают решающим значением для изучения структурно обусловленных конфликтов по поводу рент или структурно обусловленных преимуществ.

Заключение

Рента – не то понятие, которому уделяется большое внимание в современных социальных науках и, по-моему, практически никакого внимания в социологии. Пренебрежение этим понятием удивительно. Дающие ренту ресурсы обладают свойствами, которые позволяют получать доход от ренты безо всяких усилий или жертв со стороны получателей.

Подобные ресурсы и активы характеризуются тем, что в социальной структуре они могут быть организованы таким образом, что обеспечивают преимущества лицам, занимающим определенные социальные позиции, вне зависимости от их личных качеств. Неравенства, порожденные рентами, могут становиться неравенствами, порожденными социальной структурой. Я попытался доказать, что это верно не для всех рент. Те из них, которые основаны на естественных способностях, конечно, не могут быть получены без взаимодействия с другими людьми. Тем не менее такие ренты тоже не зависят от усилий и вложений индивидов, и они также производят важные типы социальных организаций.

Поскольку ренты могут быть задуманы как атрибуты позиций в социальной структуре, они будут пробуждать интерес к защите и приобретению рент, который может быть рассмотрен как стремление формировать «объективные» интересы, привязанные к позициям в социальной структуре. Эти интересы будут антагонистичными и порождающими социальные конфликты по причине того, что конкуренция за дающие ренты активы имеет характер игры с нулевой суммой. Рента, таким образом, является основанием для формирования классов в их общем понимании как конфликтующих групп. Классы, основанные на дающих ренту активах, соответствуют классической концепции классового конфликта как направленного на изменение структурных отношений, которые создают преимущества и невыгоды, и, таким образом, на социальные перемены. Это, конечно, влечет за собой пересмотр классической марксистской концепции классов. Я показал, что такой пересмотр необходим в любом случае в связи с соображениями логической и эмпирической адекватности теории.

Одной из важных характеристик многих рент, уже отмеченной Маршаллом, является их временный характер. Я показал выше, что это имеет важные последствия для анализа классовых формаций, в которых классы основаны на таких рентах, как это часто бывает в капиталистическом производстве при отсутствии долговременных монополий. Поскольку интересы, вытекающие из социальной структуры, нуждаются в некотором постоянстве для того, чтоб стать основой для действия, временные ренты тормозят формирование классов тем, что ослабляют основания для классовых действий. Это проблема, которая, кажется, полностью игнорировалась в исследованиях, посвященных данным вопросам.

Анализ рент обеспечивает понятийный инструментарий для разработки идеи структурных эффектов неравенства. В конечном счете понятия должны найти свое воплощение в эмпирически наличных явлениях. Существует два подхода к эмпирической идентификации рент. Первый – это прямое измерение. Он предполагает, что можно сравнивать наличные доходы с доходами, которые можно ожидать как результат рыночной конкуренции. В то время как существуют стандартные процедуры для получения подобных расчетов, а также примеры их применения (напр.: [Kueger 1974]), имеют место и связанные с ними сложности. Одна из важных сложностей заключается в проблеме идентификации

социальной единицы и временных рамок, необходимых для получения упомянутого выше преимущества; здесь основным примером является разграничение отдельной и многопоколенной семьи. Другая сложность – неизбежная связь между этим подходом к идентификации и измерению и способом существования рыночного общества – связь, которая может вызвать идеологические возражения у тех, кто считает, что обсуждение ренты подразумевает наличие нормативного предпочтения в пользу рыночного общества¹.

Второй подход к идентификации рент – рассмотрение действий и типов поведения, вызванных погоней за рентами. Этот подход сосредотачивает внимание на правительстве, коллективных действиях и социальных движениях, стремящихся достигнуть какого-то преимущества. Не так давно он породил богатую литературу о регулировании и политической экономии поиска ренты, ставших объектами значительного интереса социологов, исследующих стратификацию, и политических социологов². Использование этой экономической литературы позволяет расширить и приложить предложенную теорию к проблематике классового анализа, социальных движений и политической социологии.

Рента предлагает ясную идею незаслуженного преимущества. Но эта ясность не означает, что трудных вопросов удалось избежать. Нельзя ни легко оценить рентное преимущество, ни, в ряде случаев, без сомнений утверждать, что данное преимущество должно пониматься как рента. Решения этих проблем следует ожидать от дальнейших исследований и теории. То, что они существуют, не означает, что от этого концепта следует отказаться. Самим своим существованием они свидетельствуют о силе и продуктивности концепта ренты.

Перевод, научная редакция перевода и примечания –
Л.Г. Фишмана³, Е.А. Вахрушевой⁴.

Translated from English by L.G. Fishman⁵ and E.A. Vakhrusheva⁶.

Материал поступил в редколлегию 8.08.2016 г.

¹ Ясно, что предпочтения главных исследователей в современной литературе о ренте, Бьюкенена и Таллока, имеют к этому определенное отношение.

² См., напр.: [Rowley, Tollison, Tullock 1988], для специалистов – см.: [Rowley 1993].

³ Фишман Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. E-mail: lfishman@yandex.ru

⁴ Вахрушева Евгения Александровна, младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

⁵ Fishman Leonid, Doctor of Political Science, Senior Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: lfishman@yandex.ru

⁶ Vakhrusheva Evgenia, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Akerlof G.A. 1982. Labor Contracts as Partial Gift Exchange // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 97, № 2. P. 543-569.
- Alchian A.A. 1987. Rent // *The New Palgrave: A Dictionary of Economic Terms* / ed. by John Eatwell, Murray Milgate, and Peter Newman. New York : Stockton. P. 141-143.
- Baysinger B., Ekelund R.B., Tollison R.D. 1980. Mercantilism as a Rent-Seeking Society // *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society* / ed. by James S. Buchanan, Robert D. Tollison and Gordon Tullock. College Station : Texas A&M University. P. 235-269.
- Becker G.S. 1964. Human Capital : a Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York : National Bureau of Economic Research. XVI, 187 p.
- Bloch M. 1962. *Feudal Society*. London : Routledge & Kegan Paul. 498 p.
- Bourdieu P. 1977. *Reproduction in Education, Society and Culture*. Beverly Hills, Calif. : Sage. 288 p.
- Braverman H. 1974. *Labor and Monopoly Capital*. New York : Monthly Review Press. 465 p.
- Buchanan J.M. 1980. Rent-Seeking and Profit-Seeking // *Toward a Theory of the Rent-seeking Society* / ed. by James S. Buchanan, Robert D. Tollison, and Gordon Tullock. College Station : Texas A&M University. P. 3-15.
- Buchanan J.S., Tollison R.D., Tullock G. (eds.) 1980. *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society* / eds. James S. Buchanan, Robert D. Tollison and Gordon Tullock. College Station : Texas A&M University. 367 p.
- Bye C.R. 1940. *Developments and Issues in the Theory of Rent*. New York : Columbia Univ. Press. 133 p.
- Clark J., Wildavsky A. 1990. *The Moral Collapse of Communism: Poland as a Cautionary Tale*. San Francisco : Institute for Contemporary Studies. 431 p.
- Cohen G.A. 1988. *The Structure of Proletarian Unfreedom // Analytical Marxism* / ed. by John E. Roemer. New York : Cambridge Univ. Press. P. 237-259.
- Coleman J.S. 1990. *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press : Belknap Press. 1014 p.
- Dahrendorf R. 1959. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. London : Routledge & Kegan Paul. 352 p.
- Giddens A. 1973. *The Class Structure of Advanced Societies*. New York : Harper & Row. 366 p.
- Goldthorpe J.H. 1987. *Social Class and Mobility in Modern Britain*. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press. 398 p.
- Goody J. 1983. *The Development of Family and Marriage in Europe*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 313 p.
- Hayek F.A. 1948. *The Meaning of Competition // Individualism and Social Order*. Chicago : Univ. of Chicago Press. P. 92-106.
- Hirsch F. 1976. *The Social Limits to Growth*. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 200 p.
- Homans G.C. 1954. *The Cash Posters // American Sociological Review*. Vol. 19, № 2. P. 724-733.
- Krueger A.B., Summers L.H. 1987. *Reflections on the Inter-Industry Wage Structure // Unemployment and the Structure of Labor Markets* / ed. by Kevin Lang and Jonathan S. Leonard. Oxford : Basil & Blackwell. P. 17-47
- Krueger A.O. 1974. *The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review*. Vol. 64, № 3. P. 291-303.

- Marshall A. 1949. *Principles of Economics*. 8th ed. London : Macmillan.
- Marx K. 1963. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte* // K. Marx. *Selected Works*. Moscow : Progress.
- Plankans M. 1989. [Article] // *Social Structure and Aging: Comparative Perspectives on Age Structuring in Modern Societies* / ed. by David Kertzer and K. Warner Schaie. Hillsdale, N.J. : Erlbaum. P. 175-195.
- Ricardo D. 1951. *On the Principles of Political Economy and Taxation*. Vol. 1. *The Works and Correspondence of David Ricardo* / ed. by Piero Sraffa. Cambridge : Cambridge Univ. Press.
- Roemer J.E. 1982. *A General Theory of Exploitation and Class*. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 298 p.
- Roemer J.E. 1988. *Free to Lose*. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 216 p.
- Rowley Ch.K. (ed.) 1993. *Public Choice Theory*. Vol. 2. / ed. by Charles K. Rowley. Brookfield, Vt. : Edward Elgar. 477 p.
- Rowley Ch.K., Tollison R.D., Tullock G. (eds.) 1988. *The Political Economy of Rent-Seeking* / ed. by Charles K. Rowley, Robert D. Tollison and Gordon Tullock. Boston : Kluwer Academic. 492 p.
- Runciman W.G. 1974. *Towards a Theory of Social Stratification* // *The Social Analysis of Class Structure* / ed. by Frank Parkin. London : Tavistock. P. 54-101.
- Schumpeter J.A. 1956. *Imperialism and Social Classes*. New York : Augustus M. Kelley. 181 p.
- Solow R. 1990. *The Labor Market as a Social Institution*. Cambridge, Mass. : B. Blackwell. 120 p.
- Sørensen A. B. 1988. *Old Age, Retirement and Inheritance* // *Social Structure and Aging: Comparative Perspectives on Age Structuring in Modern Societies* / ed. by David Kertzer and K. Warner Schaie. Hillsdale, N.J. : Erlbaum. P. 197-213.
- Sørensen A.B. 1983. *Processes of Allocation to Open and Closed Positions in Social Structure* // *Zeitschrift für Soziologie*. № 12 (July). P. 203-224.
- Sørensen A.B. 1994. *Concluding Essay: Class, Status and Power* // *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* / ed. by David Grusky. Boulder, Colo. : Westview. P. 229-241.
- Szelenyi I. 1981. *Urban Inequalities under State Socialism*. New York : Oxford Univ. Press. 168 p.
- Thaler R.H. 1989. *Interindustry Wage Differentials* // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 3, № 2. P. 181-193.
- Thurow L.C. 1975. *Generating Inequality*. New York : Basic. 258 p.
- Tullock G. 1980. *The Transitional Gains Trap* // *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society* / ed. by James S. Buchanan, Robert D. Tollison, and Gordon Tullock. College Station : Texas A&M University. P. 211-221.
- Tullock G. 1989. *The Economics of Special Privilege and Rent Seeking*. Boston : Kluwer Academic. 104 p.
- Walder A.G. 1986. *Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press. 302 p.
- Weber M. 1968. *Economy and Society*. New York : Bedminster.
- Wright E.O. 1979. *Class Structure and Income Determination*. New York : Academic Press. 271 p.
- Wright E.O. 1989. *Rethinking, Once Again, the Concept of Class Structure* // *The Debate on Classes* / ed. by Erik O. Wright. London : Verso. P. 269-348.
- Yver J. 1966. *Egalite entre heritiers et exclusion des enfants dotes*. Paris : Sirey. 310 p.

References

- Akerlof G.A. Labor Contracts as Partial Gift Exchange, *Quarterly Journal of Economics*, 1982, vol. 97, no. 2, pp. 543-569.
- Alchian A.A. Rent, J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds.) *The New Palgrave: A Dictionary of Economic Terms*, New York, Stockton, 1987, pp. 141-143.
- Baysinger B., Ekelund R.B., Tollison R.D. Mercantilism as a Rent-Seeking Society, J.S. Buchanan, R.D. Tollison, G. Tullock (eds.) *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*, College Station, Texas A&M University, 1980, pp. 235-269.
- Becker G.S. *Human Capital : a Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*, New York, National Bureau of Economic Research, 1964, xvi, 187 p.
- Bloch M. *Feudal Society*, London, Routledge & Kegan Paul, 1962, 498 p.
- Bourdieu P. *Reproduction in Education, Society, and Culture*, Beverly Hills, Calif., Sage, 1977, 288 p.
- Braverman H. *Labor and Monopoly Capital*, New York, Monthly Review Press, 1974, 465 p.
- Buchanan J.M. Rent-Seeking and Profit-Seeking, J.S. Buchanan, R.D. Tollison, G. Tullock (eds.) *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*, College Station, Texas A&M University, 1980, pp. 3-15.
- Buchanan J.S., Tollison R.D., Tullock G. (eds.) *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*, College Station, Texas A&M University, 1980, 367 p.
- Bye C.R. *Developments and Issues in the Theory of Rent*, New York, Columbia Univ. Press, 1940, 133 p.
- Clark J., Wildavsky A. *The Moral Collapse of Communism: Poland as a Cautionary Tale*, San Francisco, Institute for Contemporary Studies, 1990, 431 p.
- Cohen G.A. The Structure of Proletarian Unfreedom, J.E. Roemer (ed.) *Analytical Marxism*, New York, Cambridge Univ. Press, 1988, pp. 237-259.
- Coleman J.S. *The Foundations of Social Theory*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, Belknap Press, 1990, 1014 p.
- Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*, London, Routledge & Kegan Paul, 1959, 352 p.
- Giddens A. *The Class Structure of Advanced Societies*, New York, Harper & Row, 1973, 366 p.
- Goldthorpe J.H. *Social Class and Mobility in Modern Britain*, 2nd ed., Oxford, Clarendon Press, 1987, 398 p.
- Goody J. *The Development of Family and Marriage in Europe*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1983, 313 p.
- Hayek F.A. The Meaning of Competition, *Individualism and Social Order*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1948, pp. 92-106.
- Hirsch F. *The Social Limits to Growth*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1976, 200 p.
- Homans G.C. The Cash Posters, *American Sociological Review*, 1954, vol. 19, no. 2, pp. 724-735.
- Krueger A.B., Summers L.H. Reflections on the Inter-Industry Wage Structure, K. Lang, J.S. Leonard (eds.) *Unemployment and the Structure of Labor Markets*, Oxford, Basil & Blackwell, 1987, pp. 17-47
- Krueger A.O. The Political Economy of the Rent-Seeking Society, *American Economic Review*, 1974, vol. 64, no. 3, pp. 291-303.

- Marshall A. *Principles of Economics*, 8th ed., London, Macmillan, 1949.
- Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte, K. Marx, *Selected Works*, Moscow, Progress, 1963.
- Plankans M. [Article], D. Kertzer, K.W. Schaie (eds.) *Social Structure and Aging: Comparative Perspectives on Age Structuring in Modern Societies*, Hillsdale, N.J., Erlbaum, 1989, pp. 175-195.
- Ricardo D. *On the Principles of Political Economy and Taxation. Vol. 1. The Works and Correspondence of David Ricardo*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1951.
- Roemer J.E. *A General Theory of Exploitation and Class*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1982, 298 p.
- Roemer J.E. *Free to Lose*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1988. 216 p.
- Rowley Ch.K. (ed.) *Public Choice Theory. Vol. 2*, Brookfield, Vt., Edward Elgar, 1993, 477 p.
- Rowley Ch.K., Tollison R.D., Tullock G. (eds.) *The Political Economy of Rent-Seeking*, Boston, Kluwer Academic, 1988, 492 p.
- Runciman W.G. Towards a Theory of Social Stratification, F. Parkin (ed.) *The Social Analysis of Class Structure*, London, Tavistock, 1974, pp. 54-101.
- Schumpeter J.A. *Imperialism and Social Classes*, New York, Augustus M. Kelley, 1956, 181 p.
- Solow R. *The Labor Market as a Social Institution*, Cambridge, Mass., B. Blackwell, 1990, 120 p.
- Sørensen A. B. Old Age, Retirement and Inheritance, D. Kertzer, K. Warner (eds.) *Schaie Social Structure and Aging: Comparative Perspectives on Age Structuring in Modern Societies*, Hillsdale, N.J., Erlbaum, 1988, pp. 197-213.
- Sørensen A.B. Processes of Allocation to Open and Closed Positions in Social Structure, *Zeitschrift für Soziologie*, 1983, no. 12 (July), pp. 203-224.
- Sørensen A.B. Concluding Essay: Class, Status and Power, D. Grusky (ed.) *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, Boulder, Colo., Westview, 1994, pp. 229-241.
- Szelenyi I. *Urban Inequalities under State Socialism*, New York, Oxford Univ. Press, 1981, 168 p.
- Thaler R.H. Interindustry Wage Differentials, *Journal of Economic Perspectives*, 1989, vol. 3, no. 2, pp. 181-193.
- Thurow L.C. *Generating Inequality*, New York, Basic, 1975, 258 p.
- Tullock G. The Transitional Gains Trap, J.S. Buchanan, R.D. Tollison, G. Tullock (eds.) *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*, College Station, Texas A&M University, 1980, pp. 211-221.
- Tullock G. *The Economics of Special Privilege and Rent Seeking*, Boston, Kluwer Academic, 1989, 104 p.
- Walder A.G. *Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*, Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press, 1986, 302 p.
- Weber M. *Economy and Society*, New York, Bedminster, 1968.
- Wright E.O. *Class Structure and Income Determination*, New York, Academic Press, 1979, 271 p.
- Wright E.O. Rethinking, Once Again, the Concept of Class Structure, E.O. Wright (ed.) *The Debate on Classes*, London, Verso, 1989, pp. 269-348.
- Yver J. *Egalite entre heritiers et exclusion des enfants dotes*, Paris, Sirey, 1966, 310 p. (in French).

Aage B. Sørensen, Harvard University

STRUCTURAL BASIS OF SOCIAL INEQUALITY

Abstract: The article discusses the concept of rent and its relevance for the analysis of inequality in society. Rent is resource, which provide advantages for incumbents of social positions independently from characteristics of the incumbents. According to the author, inequalities created by rents generate interest toward protection and acquisition of advantages that form “objective” interest toward certain positions in social structure. Therefore, rent is the basis of the formation of classes generally understood as conflict groups. In addition, the article discusses rent, which is not connected with positions in the social structure, but is based on natural abilities.

Keywords: structural theory of inequality, rent, rent seeking, rent based on natural abilities.